

С. Н. Ягодзинский
(г. Киев)

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ /БЕЗ/ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОСТМОДЕРНА

«Ловки они, и искусны пальцы у них..
Все ошибки и слабости людей нагромождали
они между собою и мной»

Ницше Ф. Так говорил Заратустра

Исследуется адекватность применения философии постмодерна к решению современных проблем общественного развития. Доказывается синергичность сетевой архитектуры общества, на основании чего обосновывается мысль о том, что постмодерное отождествление социального пространства с пространством симулякров является интеллектуальной уловкой, направленной на отрицание системного подхода при изучении общественных процессов.

Ключевые слова: постмодерн, интеллектуальные уловки, стратегия будущего, нарратив.

Введение

Встречали ли вы хоть раз странствующего, нищего, но стоически отстаивающего и проповедующего свои идеи представителя философии постмодерна? Уверен, что нет. И дело не в том, что постмодерн исторически родился на небедном Западе (геополитическом). Ни один философ-постмодернист не выражал особого желания развивать идеи постструктурализма (методологической основы постмодерна), стать академическим ученым (состоятельным, но безызвестным) и делать свой посильный вклад в научный, экономический, политический и образовательный прогресс человечества.

Подобная диспозиция постмодернистски настроенного субъекта (о смерти которого он сам же возвестил мир) свидетельствует о его не безразличии к условиям собственного существования. Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что логика мира вещей (критике которого также потребовалось немало усилий) в снятом виде укоренена в его действиях, а, соответственно и в образе мыслей. И, что самое парадоксальное, никто из них сам не жил так, как учил жить других.

Вместо этого каждый всеми силами пытался сделать себе имя. Причем довольно необычным способом – критикой того общественного мироустройства, в котором они сформировались как личности и к которому принадлежат психокультурно и психофизически. Никто не отказался от мягкого кресла в домике на берегу Атлантического океана, от защиты полиции, армии, миграционного законодательства и криминального кодекса. Довольно цинично в такой ситуации поднимать вопрос о том, что все «позитивное, возвеличенное до уровня гиперболы, порождает катастрофу в силу невозможности выделить кризис и критику» [1, с. 157]. Даже не совсем лояльный (мягко говоря) к демократическим государствам Муаммар Каддафи в конституционной «Зеленой книге» отмечал, что одним из неотъемлемых атрибутов свободы есть наличие у граждан личного автомобиля.

Но комичность ситуации даже не в этом. Европейская культура, которая так ревностно защищала себя, что убила Сократа, сожгла Дж. Бруно, пережила не одну религиозную, политическую и экономическую войну, отдалась в руки постмодерна. Удивительно, что представители Запада, окружив себя всевозможными благами цивилизации, внезапно, встали на путь самокритики. Что это? Попытка самоанализа? Забота о будущем? Оправдание перед странами «третьего мира»? Способ решения глобальных проблем? Метод снятия цивилизационных противоречий? Или же превращенная форма идеологии, цель которой – видимая демонстрация раскаяния, условное сочувствие, откровенное, но вместе с тем неискреннее, отрицание европейских

ценностей и способа жизни? Подтверждение этому находим в работе Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которая носит весьма самоуничижительное название «Капитализм и шизофрения». М. Фуко, написавший предисловие, заключает, что это не философское произведение, а «искусство жизни, противоположное всем формам фашизма» [6, с. 8]. Выдающийся ученый утверждает, что книга пытается искоренить все проявления тоталитарного мышления, любую тиранию в повседневной жизни.

Но каким способом это будет решено? Принимая на себя роль продолжателей идей Ф. Ницше, Ж. Делёз и Ф. Гваттари развивают концепцию европейского нигилизма, находя его причину в «машине желаний». Она, по их мнению, истребляет внутреннюю структуру социального организма, рождая «тело без органов», поддержание жизни которого требует перманентного производства. Поэтому государство, капиталистическая система экономики, политика, власть – все это приобретает черты фашизма, того, что отягощает личность и неминуемо должно быть преодолено.

И это после М. Вебера, который всеми силами своего таланта пытался обосновать экономические потенции Европы, представить её как локомотив всемирного прогресса, зачинателя общества комфорта. Ученый считал, что стремление к наживе и выгоде характерно не только для западного человека, а «свойственно *all sorts and conditions of men* всех эпох и стран мира, повсюду, где для этого существовала или существует какая-либо объективная возможность» [3, с. 47]. Но только Европа нашла рациональную форму обуздания подобных инстинктивных стремлений человека. С полной искренностью М. Вебер утверждает, что капитализм, как цивилизованная форма хозяйственности, – это такое же достижение Запада, как наука и искусство. Другими словами, отрицание капиталистического способа производства равноценно отрицанию духовных ценностей, деконструкции пространства европейской культуры, без видимых перспектив её обновления.

С чего начинается бред?

Оценивая эти подходы, уместно учесть исторические реалии, которые подтверждают справедливость исходной позиции К. Маркса о невозможности существования стабильного и независимого общества без налаженного и отвечающего времени материального производства. С другой стороны, товарный фетишизм не менее губителен (согласимся с ранним Ж. Бодрийяром), так как разрушает основу культуры, формирует видимость конца истории, достижение лучшего из возможных условий существования.

Несмотря на разумность обеих позиций, каждая из них нашла способ себя дискредитировать, предложив футуристические прогнозы будущего (сага о коммунизме) или усугубив реальность мрачными (и в большинстве случаев неправомерными) перспективами. Неудивительно, что некоторые исследователи (А. Гелен, А. Курно, Х. де Ман, Ю. Хабермас, Э. Гидденс) рассматривают связь между постмодерном и концепцией «постистории». Последняя отвергает рациональные подходы к пониманию исторического процесса, возможность продуцирования новых идей, принципов, теорий, возвращение к первоосновам человеческого бытия, морали, праву и справедливости. Современный немецкий исследователь В. Вельш пришел к выводу, что постмодерн – это принципиально новая *мировоззренческая установка*, а поэтому его следует отличать от постистуара (Posthistoire), отрицающего историю и свидетельствующего о её конце [4]. Так или иначе, следует признать, что идеи некоторых представителей философии постмодерна давно вышли за грань адекватных представлений о социальной реальности и её перспективах, превратившись в своеобразный *лингвистическо-футуристический фундаментализм*.

В свое время, как среди философов, так и среди их противников, ходил анекдот о том, как группа авторов книги по диалектической логике искала специалиста по логике формальной. В советский период этот анекдот указывал на известные перегибы

идеологической составляющей в философских исследованиях, доминирование партийной целесообразности над здравым смыслом. Что-то подобное на определенной стадии становления произошло и с постмодерном. И многие философы, ученые, политики, экономисты стали задаваться простым вопросом, обозначенным, кстати, Ж. Делёзом и Ф. Гваттари: «С чего начинается бред?» [6, с. 432].

Когда свежие мысли перестали определять движение? В какой момент их содержание стало недоступным пониманию, а смысл сказанного и написанного начал напоминать существовавшие ранее нарративы, в то время как стиль изложения презентовал себя вершиной словесного искусства, со свойственной ему нелогичностью и полным отсутствием ориентации на читателя? Пробраться в дебри постмодернистского текста стало менее реальным, чем понять самые сложные произведения Г. Гегеля.

Ответственность или интеллектуальное хулиганство?

Американский математик А. Сокал однажды решился на своеобразную интеллектуальную диверсию, известную как «мистификация Сокала». Её сущность состояла в умышленном искажении смысла физических представлений и переносе их на поле гуманитарного знания. Сочтя важными, результаты этого «исследования» опубликовал один из старейших академических журналов «*Social Text*» (Duke University Press). Спустя некоторое время, А. Сокал признался в своем замысле и абсурдности написанного, поставив тем самым под вопрос легитимность большей части современного социально-философского текста (дискурса).

Несколько позже, в соавторстве с бельгийским физиком Ж. Брикмоном, А. Сокал провел замечательное исследование, в котором показал, что часть произведений именитых представителей постмодерна содержательно несостоятельна, пуста. Главной особенностью постмодернистских текстов является отсутствие в них ясности. «Очевидно, – отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, – можно было бы предположить, что это свидетельствует об их глубине и что мы просто не понимаем их. Но при ближайшем рассмотрении, мы обнаруживаем большую плотность научных терминов, использованных вне контекста и без видимой логики» [10, с. 130]. В конечном счете, они ставят простой вопрос: какое философское значение имеет это языковое обыгрывание (просим не отождествлять с языковой игрой) хорошо выверенных научных понятий? Кому нужна подобная смесь философских, научных и псевдонаучных слов с последующим образованием на их основе антинаучной мистификации?

Вместе с тем правомерным следует считать замечание: ведь все это философия, а, соответственно, она не имеет границ, шаблонов, непререкаемых авторитетов, запрещенных тем. Она – чистое творчество, креативность в самом широком смысле слова. Поэтому создание образов, абстрактных схем, наработка стратегий, футурологических сценариев развития не могут быть предметом критического анализа и не должны (в силу права на свободу мысли) становиться объектом интеллектуального недовольства.

Но всё гораздо серьезнее и перспективнее обоснованнее. Значительная часть современных философий (и постмодерн здесь не одинок) – это не только и не столько оригинальный словесный жанр, неклассическое видение философского текста и способа формулирования современных задач. Ведь *мировоззренческую функцию философии еще никто не отменял*. Так или иначе, каждый философ, каждая школа или направление претендуют на особый культурно-исторический статус властелина умов эпохи. Или с этим кто-то поспорит?

Изменение параметров мышления, форм решения проблем и постановки вопросов привели к необратимым трансформациям форм жизни. В традиционном обществе последние зиждились на культурных и идеологических нарративах, а посему были легко возобновляемы. Ни войны, ни эпидемии, ни стихийные бедствия не имели силы радикального преобразования социальной реальности. Сегодня ситуация противоположная. Уже не просто поколения различны. Разница в 10 лет определяет

мировоззренческие ориентиры и ценностные установки. Очевидно, ни о какой преемственности в таких условиях речь не идет, что весьма затрудняет образование, воспитание и передачу опыта как неотъемлемых атрибутов онтологии общества. А значит – особо остро должен стать вопрос об *ответственности за философские смыслы* (С. Б. Крымский), их содержательность и значение.

Как нельзя лучше проблему интеллектуального хулиганства в современных гуманитарных исследованиях выразил академик С. П. Капица. «Многие полагают, – пишет ученый, – что главное – это свобода, но весь опыт истории указывает, что возросшая свобода, особенно в области идей и духовных ценностей, должна сопровождаться столь же большой ответственностью. Именно поэтому и шалости живого и критического ума, так и смелое озорство молодого человека, всегда должны быть не запрещены извне, а быть ограниченными собственным сознанием ответственности» [10, с. 8].

Более жесткую позицию занимает питерский философ и социолог В. Семенков, который утверждает, что философия должна быть социально востребованной [9, с. 50-51]. Причем эта востребованность лежит не в плоскости философской теории, а всегда является следствием направленности прагматики философского знания на обучение, объяснение, анализ связи текстов, осмысление модусов реальности, формирование интеллектуальной составляющей общественного прогресса. Эту позицию разделяют многие исследователи. Так, Н. Гараджа пишет: «Философия всегда несвободна, она всегда осуществляется во имя чего-то, лежащего за пределами чисто познавательного интереса. Поэтому видимость творческой свободы... есть не более чем симптом разложения» [5]. Сложно не согласиться.

Хаос vs нарратив?

Не зря в последнее время все чаще в философском дискурсе появляются работы, в которых возобновляется интерес к исследованию нарративов. Известный украинский ученый, философ и социолог науки В. Оноприенко однозначно и вместе с тем справедливо утверждает: «Мы производим нарративы потому, что сами нарративно существуем... Нарративность должна быть присуща человеческому видению мира, действиям, социальным институтам» [8, с. 25]. Без них социальная действительность и вправду деконструируется или, перефразируя И. Пригожину, из порядка превращается в хаос.

Непринятие системных процессов, отбрасывание сетевой архитектоники современной социальной реальности пагубно влияет на понимание истинных процессов, происходящих в социуме, не позволяет должным образом оценить динамику культуры, определить её активные составляющие и вектор движения. Сеть (и принадлежащая ей системная организация) как способ взаимодействия и коммуникации, метод интеграции общества и источник конфликтов интересов, существовала всегда. Торговые пути, морские маршруты, системы оповещения и символики, экономическое, политическое и религиозное взаимовлияние издревле известны как неотъемлемые составляющие развития человечества.

В различных своих проявлениях социальная сеть была интегрирована в общественное пространство и время, определяла их метрику, распределяла континуальные и дискретные состояния. Быть вне сети означало находиться вне общественного бытия, вне цивилизационного прогресса, вне столбовых дорог культуры, в области хаоса и будущей неопределенности. Весь ход истории подтверждает это, ведь путь большинства народов, наций, государств шел от мелких, разрозненных общностей до некой целостности в более сложной социальной структуре. К подобным выводам подталкивает нас и концепция немецкого исследователя Н. Лумана. В серии публикаций он показал, что единственно возможным методологическим подходом при анализе общества является системный подход. При этом важно теорию общества «формулировать

так, чтобы в определении границ общества она не зависела от пространства и времени» [7, с. 34]. И это вполне реально, если учесть виртуальную составляющую общественного бытия.

Очевидно, что в эпоху глобальных информационных сетей адекватность такого шага не вызывает сомнений и возражений. Но способен ли постмодерн справиться с подобным методологическим решением? Дает ли он достаточный философский инструментарий для анализа сущности социальной информации, формируемой посредством информационных сетевых процессов? На наш взгляд, ответ отрицателен. Попробуем вкратце объяснить причину этой категоричности.

Для этого возвратимся к первоисточникам, а конкретнее – к работам Ж. Бодрийяра, которого вполне заслуженно считают наиболее взвешенной и авторитетной фигурой философского постмодерна. Исходя из анализа существующей на Западе модели экономики, философ пришел к обобщающим выводам, сущность которых сводится к тому, что имеет место быть перепроизводство, избыточность вторичного. В книге «Система вещей» он, например, предлагает задуматься о функциональном контексте и взаимосвязи предметов быта. Ибо «каждая вещь, прибавляясь к уже существующим, отвечает своей собственной функции, зато противоречит единству целого» [2, с. 13]. Другими словами, если у вас в доме есть духовка, то тостер – уже излишество, а миксер вполне может заменить вам кофемолку.

С первого взгляда все довольно разумно. Как никогда ранее в мировой истории, человек действительно обременен вещами. Даже когда он вне дома, то имеет при себе часы, телефон, плеер, дизайнерские элементы одежды (не отвечающие прямому её назначению), flash-память, карточки, пропуска и так до бесконечности. Кажется, не будет этому конца и самое время провозгласить войну вещевому фетишизму.

А что если *Ж. Бодрийяр ошибся*? И в пылу обоснованной критики общества потребления не увидел в нем латентных системообразующих процессов? Но проблема не только в этом. Ведь, указав на негативные тенденции становления современного общества в одной области, философ (и в этом его миссия – видеть дальше и глубже) неминуемо экстраполирует их на другие сферы общественного бытия – науку, культуру, экономику, политику, религию, этику и эстетику. А как (посредством умелых, но несостоятельных аналогий) это умеют делать представители философского постмодерна, мы продемонстрировали выше. Вследствие этого, все пространство культуры *a priori* было признано полем тотальной деконструкции (Ж. Деррида), предметом шизоанализа (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), местом апробирования теории революционного лингвopsихоанализа (Ю. Кристева).

Мы считаем, что в мире глобальных информационных сетей усматривается не избыток вторичности, а первичное накопление информации. Именно на её основании возможна происходящая сегодня сетевая структуризация виртуального слоя социальной реальности, преобразование «хлама», «вторичности», «симулякра» в основу социальной информации. Например, существующие на сегодняшний день электронные библиотеки в свое время были не чем иным, как разбросанным, хаотичным хранилищем, лишенным эффективных методов поиска и анализа информации. Фотографии, схемы, видео со временем сложились в более сложную систему глобального позиционирования. Происходящее сегодня накопление информации в социальных сетях в скором будущем также преобразится. Ведь недаром все чаще владельцев социальных сетей обвиняют в планомерном сборе информации, разработке систем объектного определения характеристик личности, создании алгоритмов поиска людей по фотографиям и прочем. А поисковые системы (*Google, Yandex, Rambler* и др.) порой «знают» о ваших вкусах, желаниях и предпочтениях гораздо больше, нежели ваши друзья. Ведь от других у вас есть секреты, а от Интернета – нет, или их невозможно скрыть.

Другими словами, простые артефакты, вещи, слова, прочие предметы и действия, которые лишь на первый взгляд засоряют культуру, превращают её в совокупность

симулякров, постепенно выстраиваются в систему и обретают прежнюю форму тотального и тоталитарного нарратива. Прокладывая аналогию, можно сказать, что критическая масса морфем – маленьких, бессодержательных частиц в какой-то момент рождает семантическое поле смыслов, не принадлежащих им по отдельности. К сожалению, и мы в этом твердо убеждены, никакие (даже самые светлые и неоспоримые) истины постмодерна не способны поколебать эти закономерности.

Реальная социально-философская задача состоит в том, чтобы оценить *тенденции, перспективы* и *потенциал* дальнейшего хода развития человечества. Философская же позиция постмодерна, отрицающая нарративы, системность, процессы самоорганизации, а также синергию общественного поля ставит себя в оппозицию к методам оценки стратегии развития социума, осмысления его потенциала и моделирования форм существования.

Из сказанного следует, что постмодерн, каким бы революционным он не был, не способен единолично решить стоящие перед современным человеком проблемы. При попытке это сделать он, как и любая замкнутая на себе философская система, превращается в абсурд, объект насмешек и полного отрицания. В свое время К. Маркс, мечтая о новом общественном строе, очень осторожно описывал характеристики коммунизма. Выдающийся аналитик прекрасно осознавал, что крушение старого и построение нового требуют совершенно разных подходов, других ценностей, идеологий, политики, экономики. К сожалению, этого не учитывали основатели постмодерна. В результате то, что составляло ядро революционного прорыва в философском и социально-политическом мышлении в 60-80-х годах XX века, обратилось против века XXI, оставив часть проблем современного общества оголенной, незащищенной ни традициями, ни новыми методологиями и идеологическими предубеждениями.

Столкновение цивилизаций или мировоззренческий конфликт?

Напоследок позволим себе высказать и более радикальную мысль. На наш взгляд, философия постмодерна, несмотря на продуцируемые ею идеологемы плюрализма, равенства, свободы творчества и прочего, в конечном итоге способствует углублению цивилизационного разлома, провоцирует дальнейший разрыв между Западом и Востоком, между странами «золотого миллиарда» и прочими жителями планеты Земля.

Позиция Ж. Бодрийяра и его последователей призвана усилить влияние Запада на геополитические процессы, а также способствовать дискредитации идеи мирового поля культуры. Ведь, в сущности, говоря о доминировании частностей и многообразия, представители идеологии постмодерна деструктивно идентифицируют любые интегративные состояния и перспективы. Все накопленное, по их мнению, является лишь излишеством или особым, требующим уважения и понимания культурным артефактом. Но никакой объединяющей их силы нет и быть не может. В случае же её возникновения, постмодернист заявляет о попытках вернуть нарративы, которые, как утверждает Ж.-Ф. Лиотар, не способны поддерживать этическое, эстетическое, религиозное, научное, правовое и политическое формирование личности.

Даже личность, как результат самосозидания и самоидентификации человека, становится чем-то призрачным, занесенным в «Красную книгу». Целостная личность, по мнению постмодерниста, терпит историческое фиаско и вместо ницшеанского сверхчеловека вынуждена превратится в ризому (*rhizome*) – особый лабиринт, выйти из которого суждено далеко не каждому. Видимо, и Космос должен предстать перед физиком не как организм, в котором все взаимосвязано, а как уникальная, неповторимая, хаотично сформированная совокупность пыли, туманностей, газа и планет. И только исследователь-шизофреник (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) может найти в этом противоречии, в этом необычном, эстетически совершенном Универсуме холодные, расчетливые закономерности.

Заключение

Сказанное выше ни в коей мере не ставит нас в ряды непримиримых борцов против постмодерна, которых сегодня развилось немало, ввиду физической невозможности большинства постмодернистов ответить на их критику. Постмодернизм и постмодерн, как его детище?, занимали и занимают значительное место в духовной жизни европейских интеллектуалов. Многие идеи удивляют глубиной анализа, широтой взгляда и искренним желанием раскрепостить человека, привить ему иммунитет к несвободе, неравенству, тоталитаризму, выпустить в свободное плавание творческие потенции личности, указать ей возможности развития.

Наша задача была иной: ответить на вопрос об адекватности философии постмодерна в осмыслении новых вызовов и феноменов общественного развития, темпы которого не позволяют держать в арсенале философа застывшие формы, притупленные инструменты, клише и шаблоны. Одной из таких проблем является изучение сетевого общественного пространства, скорость трансформации которого опережает самые смелые прогнозы. То, что еще вчера казалось невозможным, нереальным или опасным, становится частью мира людей, окружает их в быту, на работе, не только изменяет способ производства материальных и духовных благ, но также влияет и на личную жизнь, становясь, в конечном счете, причастным к формированию духовности общества, смыслом и назначением истории.

Список литературы

1. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Пер. с франц. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Пер. с франц. и сопровод. статья С. Зенкина. – М.: Рудомино, 2001. – 220 с.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Давыдова; Предисл. П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
4. *Вельш В.* Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. – 1992. – № 1 (2). – С. 109-136.
5. *Гараджа Н.* Лишний билетик на философский пароход // <http://old.russ.ru/culture/20041115.html>
6. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
7. *Луман Н.* Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос. 2004. – 232 с.
8. *Онопrienко В.И.* Нарратив как стратегия и практика постмодернистского обновления методологии социогуманитарного знания // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія: Зб. наук. пр. – № 1 (11). – К.: Вид-во Нац. авіац. ун-ту «НАУ-друк», 2010. – С. 22-25.
9. *Семенов В.Е.* Философское знание: модусы производства и признания / В.Е. Семенов. – СПб.: Алетейя, 2011. – 222 с.
10. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. Предисловие С.П. Капицы. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.